

В.И. Ляшенко,
кандидат экономических наук,
Д.Ю. Череватский,
кандидат технических наук,
Институт экономики промышленности НАН Украины,
г. Донецк

АРТЕЛИ И КООПЕРАТИВЫ: РЕТРОСПЕКТИВА И ВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ УКРАИНЫ

Неэффективность в целом украинской угледобычи вынуждает государство субсидировать предприятия угольной промышленности. За пять лет с 2002 по 2007 гг. бюджетное финансирование увеличилось с 2,3 до 5,8 млрд. грн. Вместе с тем, несмотря на все большие бюджетные вложения в национальную угледобычу, общая ситуация в отрасли ухудшается — растет задолженность угледобывающих предприятий перед поставщиками, сокращаются объемы добычи угля. В 2007 г. предприятиями Минуглепрома Украины было добыто 42,2 млн.т угля (со средней зольностью 42%!), что на 4,2 млн.т меньше, чем в 2006 г.

Не имея возможностей для полного финансового содержания национальной угольной промышленности, государство, начиная с 1996 г., предпринимает попытки передачи шахтного фонда в собственность предпринимателям, но, как показывает опыт, рассчитывать на кардинальное изменение отношений собственности в угольной промышленности Украины таким путем не приходится. Кроме экономической подоплеку существует политическое противодействие приватизации шахт [16].

Такая ситуация актуализирует поиск новых форм повышения эффективности угледобычи в стране. Поэтому целью настоящей статьи является обоснование целесообразности использования малых (артельных и кооперативных) форм хозяйствования в угольной промышленности Украины.

Разработка теоретической концепции малых форм хозяйствования применительно к постсоветской экономике требует обращения и к опыту прошлого нашей страны. Следует отметить, что та или иная экономическая форма быстрее приживается, если имеет корни в отечественной хозяйственной жизни.

Так, например, бригады сезонных строителей восходят к многовековым традициям издавна существовавших в стране строительных артелей.

Если обратиться к хозяйственной практике дореволюционной России, то особый интерес вызывает широкое развитие кооперативного движения в начале XX в. Создание кооперативных форм здесь началось позже, чем в ведущих странах Запада, однако с начала

XX в. движение стало приобретать необычайную широту, охватывать все новые и новые сферы деятельности. В то же время многие основы кооперативного труда, выраженные, в частности, в добровольной взаимопомощи, имели глубокие исторические корни.

Д.И. Менделеев писал: «Вообще, в общинном и артельном началах, свойственных нашему народу, я вижу зародыши возможности правильного решения в будущем многих из тех задач, которые предстоят на пути при развитии промышленности и должны затруднять те страны, в которых индивидуализму отдано окончательное предпочтение, так как, по моему мнению, после известного периода предварительного роста скорее и легче совершать все крупные улучшения исходя из исторически крепкого общинного начала, чем идя от развитого капитализма к началу общественному. Весь вопрос здесь сводится к развитию образования и общего народного богатства, дающего капиталы, совершенно необходимые для развития промышленного быта» [11, с. 432].

Артель была исконной и исключительной формой хозяйственной самоорганизации и самоуправления первичных трудовых коллективов на Руси во все времена. Артель представляла собой добровольное товарищество совершенно равноправных работников, призванное на основе взаимопомощи и взаимовыручки решать практически любые хозяйственные и производственные задачи. Объединение людей в артель не только не ограничивало дух самостоятельности и предприимчивости каждого артельщика, а, напротив, поощряло его. Мало того, артель удивительным образом позволяла сочетать склонность русского человека к самостоятельному и даже обособленному труду с коллективными усилиями. Подчеркивая самостоятельность и равноправие членов артели, старинная поговорка гласила: «Артели думой не владати. Сто голов — сто умов».

Началом равноправности артели, как форма организации трудовой деятельности, вплотную подходили к кооперативам и резко отличались от капиталистических предприятий; попытки эксплуатации одних членов артели другими, как правило, жестко пресе-

кались (в этом плане артель была антикапиталистической организацией). Причем равноправность не нарушалась предоставлением одному из членов распорядительной функции, т.к. каждый из членов мог быть назначен товарищами на ее выполнение. В некоторых артелях распорядительная функция выполнялась поочередно каждым из артельщиков. Равноправие, конечно, не означало уравниловки — распределение дохода осуществлялось по труду.

Чисто русской особенностью этой формы труда было также то, что члены артели связывались круговой порукой, т.е. каждый из них ручался солидарно за всех остальных, все же вместе за каждого отдельно. Этот признак вытекал из самого понятия об артели, как о самостоятельной общественной единице. Ответственность друг за друга искони есть исключительный признак артели, доказательством чего служат дошедшие до нас исторические памятники, договоры с артелями, заканчивающиеся указаниями, что ответственность за ущерб и убытки, нанесенные артелью, должны падать на того, «кто будет в лицах», т.е. на каждого конкретного члена артели. Все это лишний раз подчеркивало общинное происхождение артели, кровное родство с ней. Недаром Герцен считал артели передвижными общинами [9, с. 30].

Общинные и артельные формы народной жизни и хозяйствования тесно переплетались между собой. В. Калачов [10] выделяет в XIX в. следующие типы артелей: 1) артели баржевые (погрузо-разгрузочные работы на баржах в Москве и Петербурге); 2) артели судно-рабочих и бурлаков; 3) артели ломщиков соли; 4) артели извозчиков и чумаков; 5) артели, исполняющие разные горнозаводские работы; 6) артели каменщиков; 7) артели плотничьи; 8) артели для рыболовного и звериного промыслов; 9) артели бортников; 10) артели чернорабочих; 11) артели кортомщиков (арендаторы леса и пашни); 12) артели торговые; 13) артели ремесленников и сельских рабочих; 14) артели на Урале для выставки войск; 15) артели нищих; 16) артели продовольственные или потребительские.

Известны случаи, когда целые общины организовывали артель. В Вологодской и Архангельской губерниях были часты случаи, когда деревни-общины образовали артель по обслуживанию почты и перевозов. Такие артели сами распределяли работу между своими членами, устанавливали норму выработки и оплату труда по гонке и перевозу.

В то время по всей России были известны и распространены торговцы поодиночке и артелями мелких товаров, носящие разные названия, как то: офеней, корбочников, ходебщиков, щепетильников, которые весьма близко подходили к артелям украинских мелких торговцев, так хорошо описанным И.С.

Аксаковым в его известном сочинении «Об украинских ярманках»: «Жители местечка Рашевки, преимущественно казаки, образуют из себя артели от 6 до 10 человек. Каждая артель делает складчину, избирает себе начальника или *атамана* и через посредство его берет у одного из Рашевских купцов известную пропорцию игольного товара, а иногда занимает денег на честное слово без всякой расписки; потом уплачивает подати за себя или за семьи, добывает паспорта и готовится в путь. До выезда вся артель собирается к атаману, который раздает каждому часть товара и некоторую часть денег; с общего согласия назначается срок и место для сбора, и потом вся артель расходится в разные стороны, по разным дорогам, пешком, с котомкой или корбкой за плечами, а атаман с остальным товаром и деньгами прямо едет в телеге на сборный пункт. Артельщики редко покупают что-нибудь за наличные деньги, а почти всегда выменивают свой дешевый игольный товар на щетину, перо, пух, старый медный лом, шкурки, восчину и т.п. Эта мена гораздо выгоднее продажи. На сборный пункт в урочное время являются все артельщики, выдают атаману выменянные вещи и отчет в деньгах и представляют к освидетельствованию наличный оставшийся у них товар. Атаман сейчас делает заключение, кто был исправен, кто нет, по какой причине: если от пьянства или вообще от собственной причины артельщика, то немедленно творится артельный общий суд и расправа, т.е. виновный тут же наказывается. Если же дело артели шло удачно и прибыль хороша, то все расчеты заканчиваются магарычом, после которого вновь раздаются товары, вновь назначается сборный пункт и артель движется далее... Таким образом артель проходит до Азовского побережья, постоянно смыкаясь и размыкаясь, то превращаясь в одну цельную общину, произносящую суд, то распадаясь на отдельные, самостоятельно действующие лица, ибо успех каждого зависит от его личных свойств, сметки, умения и характера. Разумеется не все артели путешествуют так далеко, некоторые из них совершают свои походы не далее Киевской и Херсонской губернии раза по два, по три, по четыре в год; отправляющиеся к Азовскому морю, к черноморским казакам и даже на линию проводят в странствовании около года. Променяв весь взятый из дому товар и нагрузив опорожненную телегу новым приобретенным, артель возвращается домой. Атаман сдает купцу, ссудившему их деньгами и вещами, весь привезенный товар по существующим ценам. Купец вычитывает из общей ценности товара сумму, которая ему следует в возврат, без процентов, а за остальной товар уплачивает наличными деньгами. Тогда чинится расчет в самой артели: выручка делится на равные части между всеми, причем деньги, внесенные в кассу, возвращаются каждо-

му сполна, но атаман получает еще другую часть за подводу. Если же кто не оказал усердия, то с его части с общего согласия делается вычет. Все расчеты кончаются в один день, заключаются пирушкой, и партия расходится» [10, с. 302-304].

К торговым артелям принадлежали еще складчины капиталами, вверяемыми известному в данной местности капиталисту, который называется мирским воротилой, без всяких расписок, на веру. В помощь воротиле придаются 2-3 опытных лица, называемые дядями; складчики называются молодцами, а вся артель миром. Воротила и дяди становятся опекунами семейства молодцов и платят за них все подати; они же закупают товары на чистые деньги. Товары распределяются между молодцами сообразно вкладу каждого; затем они разъезжаются в разные стороны, назначив сборное место и время съезда: здесь происходит расчет (дуван). Каждый молодец получает свой пай в общих барышах, на долю же воротилы и дядей идет барыш вдвое и втрое против молодцов; спору в дележе не бывает: на мир суда нет.

Чумаками назывались не только в Украине, но и в некоторых местностях Великой России «малороссияне», перевозящие на своих фурах и своим скотом (обыкновенно на волах) разные товары, как то: хлеб, соль, рыбу и проч. из одной местности в другую. Такие чумаки делились на два разряда: одни из них собственники, которые возят собственные продукты в ближайший порт или город и, продав их, покупают здесь другие для продажи на месте своего жительства или в ином городе. Чумаки этого разряда хотя и ездят артелями, но не связаны между собой ничем другим, кроме товарищества в дороге, как односельцы, и разве где-нибудь на привале сделают складчину на четверть или полведра вина, смотря по многочисленности партии. Настоящие же артели или купы чумаков составляют те, которые перевозят товары или вообще тяжести, не принадлежащие им в собственность.

Плодородная почва Украины при своевременной обработке обыкновенно давала обильный плод. «Преимущественное здесь произведение — пшеница под разными названиями. Кроме местного потребления (как составляющая необходимость в домашнем быту малороссиян), она заготавливается в большом количестве для продажи местным купцам, которые, в свою очередь, закупают ее в ближайших портах. Перевозка этой запорданной пшеницы на места обыкновенно делается на воловьих фурах, что хотя крайне замедляет доставку ее и обходится дорого, но всеупотребительно по неимению еще в том крае правильных путей сообщения. Фуры нанимаются большею частью за несколько месяцев ранее: так, напр., пшеница, закупленная с осени, не может быть отправляема зи-

мой, ибо в дальние дороги зимой чумаки не пускаются, не имея обычая подковышать волов. Самый наем делается не в центрах торговли, как по причине недостаточного количества в этих местностях фур, так равно и высшей цены на них против местностей более или менее отдаленных. В эти-то последние *хозяева* (купцы) отряжают в начале зимы своих приказчиков или, как их называют, *малых*. Приехав в слободу, приказчик объявляет одному-двум мужичкам, что вот-де зачем он приехал, а эти сейчас же дают о том знать всем и каждому, не столько из желания иметь работу, сколько для того, чтобы иметь случай запить общий «магарыч». К вечеру или рано утром являются в хату приказчика человек 15 или более составившего товарищества — договариваться «пид фуру». После обычных приветствий с обеих сторон, сторговавшись в цене, чумаки выговаривают себе часть «лантухов» (в которые насыпается пшеница), «мостовые» или перевозные деньги, и наконец, неизбежный «магарыч». По окончании всех договоров приказчик дает задаток, рублей по 5 на фуру, а иногда и более, смотря по нуждам нанимающихся. Затем договор излагается письменно и свидетельствуется волостным правлением. Самый задаток передается, однако, в руки одного из более уважаемых крестьян, получающего вместе с тем название *артельщика* или старосты, на имя которого пишется и контракт за поручительством товарищей. По отъезде приказчика к артельщику являются тотчас артельные и просят его помочь им в нуждах: одному деньги нужны на подати, другому на необходимые домашние расходы и проч. Артельщик удовлетворяет их беспрекословно, но не без разбору, и ведя всему счет, несмотря на то, что иногда бывает неграмотный. По окончании весенних посевов артель отправляется в торговый пункт для насыпки пшеницы и тут же запасается в дорогу дегтем, солью и рыбой, которые закупает артельщик; пшено же, сало, хлеб и сухари берет каждый домохозяин из домашних запасов, но все-таки складывает и их в артель. Дорогой всем распоряжается и деньги на необходимые расходы ведет также артельщик. По приезде на место и при благополучной сдаче хлеба староста получает следующие деньги за провоз из конторы купца, и тут же производится их дележ. В обратном пути каждый ведет денежные расходы сам, потому что на заработанные деньги покупает соль или рыбу на себя, следовательно, делается чумаком-собственником; харчевые же припасы остаются по-прежнему общими. Во все лето, во время рабочей поры, чумаки обыкновенно не ходят в дорогу; но есть и такие, которые знают только одно дело — чумаковать. Артели этих последних даже зимуют вместе со скотом близ торговых пунктов; в них заведен уже порядок относительно внутренних

распоряжений и самые расчеты ведутся правильнее, так как постоянные чумаки большей частью грамотные» [10, 305 — 306].

В конце XIX ст. в некоторых селениях, особенно в бывших помещичьих, по освобождении крестьян от крепостной зависимости, распространилось извозничество или перевоз разного рода сельхозпродукции и других продуктов от пунктов их производства в большие торговые города и к пристаням, и обратно отсюда разных припасов и товаров в уездные города и села для местного потребления. В первом случае нанимают как сами помещики (для отвоза хлеба, вина, шерсти и т.п.), так и купцы, закупающие сельские продукты на самых местах их производства, а иногда и сами крестьяне, занимающиеся торговлей; в последнем случае обыкновенно купцы, торгующие в уездах солью, рыбой и разным товаром, иногда же и сами возчики, как малороссийские чумаки, покупают соль, рыбу, яблоки и т.п. на себя и продают их дома или развозя по окрестным селениям. Такие возчики нанимаются иногда целым товариществом, обязуясь *хозяину* отвечать друг за друга; почему и расходы, равно как и барыши, у них общие; но так, что расчет тех и других делается не по числу лиц, составляющих товарищество, а по числу *подвод*, ибо допускается, что один домохозяин может иметь в обозе двух или более лошадей и на каждую из них особые телегу или сани с поклажей, следовательно, не одну подводку.

Артелью, писал историк Прыжов, называется братство, которое строилось для какого-нибудь общего дела. Русская артель имеет своего рода семейный характер: «Артель — своя семья». Про большую семью говорят: «Экая артель». Товарищеская взаимопомощь и общее согласие — главное в артели: «Артельная каша гуще живет». В артели человек должен был проявить свои лучшие способности и не просто приложить труд. Демократический характер артели был не в примитивном равенстве, а в равном праве для всех выразить свои способности вне зависимости от социального положения. В самых типичных артелях Древней Руси могли участвовать все без исключения при одном условии — признания ими артельных основ. В складочные пиры, в пустынные монастыри, в братства и в вольные дружины могли ходить и «лучшие», и «молодые» люди, и смерды, и бояре, и духовные лица, и даже князья. На Руси существовало большое количество различных форм объединений ремесленников, но все они тяготели к общинному самоуправлению, самоорганизации, порой даже обладали судебными правами. Часто ремесленники одной профессии селились рядом друг с другом, образуя, «концы», «улицы», «сотни», «ряды», строили свои патрональные церкви, объединялись

вокруг них в «братчины» или «обчины» с правами суда. Подобные объединения (гильдии, сотни) существовали и у купцов, которые строили свои церкви и имели право суда.

Древними организациями самоуправления городских тружеников были черные сотни и черные слободы, имена которых до сих пор сохранились в названиях улиц. Каждая черная сотня составляла объединения ремесленников или торговцев, управляемых подобно сельскому обществу выборными старостами или сотскими. Артельные формы организации труда пронизывают промышленность до 2-й пол. XIX в. Еще в конце XIX в. на многих заводах и фабриках были широко распространены, ныне получившие название аутсорсинга, артельные формы труда, когда артельщики брали на свой подряд цех или участок производства и отчитывались перед руководством только за количество и качество работы, а все вопросы по выполнению подряда и распределению заработка решали сами внутри артели. Были случаи, когда рабочие артельно брали в свои руки все предприятие.

В России впервые в мире были зафиксированы факты рабочего самоуправления на предприятиях. Одно из известных, но не самых древних, свидетельств относится к 1803 г., когда на Красносельской бумажной фабрике близ Петербурга рабочие заключили с владельцем договор, по которому фабрика в течение долгого срока находилась в управлении самих рабочих. Для руководства работами они выбирали из своей среды мастера, сами определяли продолжительность рабочего дня, порядок работы, распределение заработка. Артель давала образцы высокоэффективной работы. С 1838 по 1917 гг. строительные артели без каких-либо механических средств проложили более 90 тыс. км железных дорог. 8 тыс. чел. построили Великую Сибирскую магистраль протяженностью 7,5 тыс. км всего за 10 лет. В XVIII—н. XIX в. артельные формы труда широко применялись на заводах и фабриках, что стимулировало бурное развитие русской железодельной промышленности, которая уже с 1730-х обогнала Англию и удерживала первенство весь XVIII век.

Народный путь развития промышленности в трудах ряда российских экономистов — это путь артелей, где «рабочие трудятся не для возрастания капитала, а для удовлетворения собственных потребностей, где стремлением производства делается не безграничное его расширение, а сокращение числа работающих». По мнению Д.И. Менделеева, побывавшего в конце XIX ст. на уральских металлургических заводах, многие из них могли бы быть переданы артельно-кооперативному хозяйству.

По данным выдающегося исследователя коопе-

рации М.И. Туган-Барановского, к началу 1917 г. в России участвовало в кооперативах около 84 млн. человек, или более половины населения страны. М.И. Туган-Барановский отмечал в связи с этим, что «по числу кооперативов и членов в них Россия занимает... первое место во всем мире» [13, с. 297]. При этом на 1 января 1917 г. в России функционировало 47187 кооперативов, в том числе 16055 кредитных товариществ, 20000 потребительских обществ, 8132 сельскохозяйственных обществ и товариществ, 3000 маслодельных артелей [13, с. 298]. Анализ кооперативного движения в дореволюционной России весьма показателен, ибо он четко обнаруживает те направления в его развитии, которые, с одной стороны, оказались неэффективными, а с другой — показали хорошую перспективу развития.

В этой связи весьма интересным является определение кооператива, данное М.И. Туган-Барановским: «...Кооператив есть такое хозяйственное предприятие нескольких, добровольно соединившихся лиц, которое имеет своей целью не получение наибольшего барыша на затраченный капитал, но увеличение благодаря общему ведению хозяйства трудовых доходов своих членов или уменьшение расходов этих членов на их потребительские нужды» [13, с. 94]. Такое понимание кооперации находится в известном противоречии с принятыми у нас оценками, где в толковании сути кооперативного предприятия нет существенных отличий от обычной предпринимательской организации, ориентированной на прибыль и на расширенное воспроизводство. Ориентированное на подобные показатели кооперативное предприятие неизбежно будет увеличивать количество занятых в нем по договору и наконец станет типичным частным предприятием. Подобного типа превращения описаны М.И. Туган-Барановским на ряде примеров из практики XIX и XX вв. [13, с. 205-206].

Действительно, примеры удачного развития кооперативов показывали неудачи высших форм кооперативной организации, например ремесленных производительных артелей. Такие артели имели организационную структуру, сходную с капиталистическими предприятиями. Успех подобных кооперативов приводил к тому, что заработок артельщиков поднимался над уровнем обычной заработной платы в данном ремесле. Однако это обстоятельство неизбежно приближало артель к обычному капиталистическому предприятию. Дело в том, что преуспевающий кооператив не может расширять собственные обороты через привлечение новых рабочих в качестве полноправных членов. Новые работники неизбежно становятся в положение наемных рабочих по отношению к хозяевам артели. Причем чем лучше идут дела арте-

ли, тем больше становится группа наемных рабочих. Данный процесс завершается тем, что первоначальные члены артели постепенно перестают сами работать и становятся пайщиками предприятия. Вместо артели вырастает капиталистическое предприятие на паях. Характерно, что подобные производительные артели сохраняли свой кооперативный характер только в том случае, если они не имели большого успеха в хозяйственной деятельности и не получали достаточной прибыли. Ярким примером подобного типа может служить известная ножевая артель в селе Павлово, созданная в 1893 г. В ней было 277 работников, но при этом предприятие сохранялось за счет низкой заработной платы членов артели, даже по отношению к наемным работникам [12, с. 30]. Характерно, что количество производительных артелей существенно возрастало в периоды безработицы, ухудшения материального положения рабочего класса. И неудивительно, поскольку в это время оплата труда в производительных ремесленных артелях была ниже, чем на капиталистических предприятиях.

Более успешно кооперативы развивались в тех случаях, когда труд их членов не был полностью обобществлен и работники сохраняли известную хозяйственную самостоятельность. Сюда можно отнести кооперативы по совместному сбыту и переработке продукции. Ярчайшим примером успешного развития подобных предприятий является история маслодельной кооперации в России. Особое развитие маслодельные кооперативы получили в Западной Сибири. Прокладка Транссибирской магистрали дала возможность колоссального расширения производства масла, в том числе и для вывоза за границу, в частности в Англию. Развитие сибирского маслоделия в начале XX века характеризует табл. 1.

Важный экономический эффект маслодельных артелей был связан с применением крупных сепараторов, что уменьшало потери масла по сравнению с ручной переработкой в 25 раз. Кроме того, многократно возрастала скорость переработки. Однако чтобы окупить сепаратор и чтобы молочное хозяйство действовало прибыльно, объединившимся в артель крестьянам нужно было иметь не менее 200 коров, дававших каждая не менее одного ведра молока в день. Данное обстоятельство и заставляло отдельных хозяев объединяться в товарищества. Кроме того, объединение в подобный союз давало возможность крестьянам продавать свое масло большими партиями и самостоятельно выступать на оптовом рынке, не пользуясь услугами перекупщиков, присваивающих значительную часть прибыли.

Интересно, что вначале маслоделие в Сибири развивалось на капиталистической основе. Однако

Таблица 1

Количество маслодельных заводов в Томской и Тобольской губерниях в 1896—1910 гг. [13, с. 317]

Год	Все заводы	В том числе кооперативные	Доля кооперативных заводов, %
1896	29	5	17
1900	1022	32	3
1902	1980	60	3
1905	1943	357	18
1910	3109	1337	43

маслодельная кооперация постепенно стала вытеснять капиталистические предприятия. Кооперативная организация показала здесь преимущество перед предприятиями с наемным трудом. Этот случай заслуживает отдельного рассмотрения, ибо показывает некоторые условия, обеспечивающие наибольшую эффективность кооперативного хозяйства.

Пример маслодельных артелей показывает результативность такой хозяйственной формы, в рамках которой, с одной стороны, соединяются преимущества работы на себя с полным простором личной инициативы, а с другой стороны, появляются возможности позитивной общественной регуляции экономической деятельности с обобществлением некоторых производственных операций, а также сбыта продукции. Действительно, в рамках маслодельного кооператива производство молока осуществляется на скотном дворе крестьянина и объем поставляемой кооперативу продукции, а значит, и размер его личного дохода зависят от личных трудовых усилий, инициативы, предприимчивости. В то же время товарищество преобразовывает процесс производства молока на рациональной основе. Ведь товарищество в целом также заинтересовано в увеличении как количества, так и качества продукции. Оно берет на себя заботы не только о техническом усовершенствовании производства, но и об улучшении породы скота у своих членов, начинает контролировать способы кормления и доения коров и вообще способствовать рациональной постановке всего молочного хозяйства.

Характерно, что первыми деятелями сибирских маслодельных кооперативов были в большинстве случаев волостные писари. Они представляли наиболее образованный слой сельского населения, имевший связи с Центральной Россией и бывший инициатором использования наиболее передового хозяйственного опыта. При этом существенно меняется отношение производителей молока к проблеме реализации своей продукции. При доставке молока крестьянами на частный маслодельный завод интересы производителя и потребителя прямо противоположны. Крестьянин стремится получить как можно большую выручку за

свое молоко, а капиталист — купить его по наименьшей цене. В конечном итоге за капиталистом и остается последнее слово, а доход крестьянина падает до минимума. О гармонии отношений нет и речи.

Если же производитель работает на кооперативное предприятие, положение коренным образом меняется. Здесь крестьянин может ограничиться небольшой оплатой сданного молока. Ведь он знает, что прибыль, которую получит товарищество от переработки и продажи продукции, в итоге пойдет на его благо: она будет покрывать издержки кооператива, а то, что от нее останется в конце года, будет распределено между членами артели соответственно количеству доставленного ими молока. В итоге производитель получает за сданный продукт больше, чем мог бы дать частный предприниматель.

Таким образом, подобная форма организации ориентирована на повышение дохода и благосостояния каждого члена кооператива. При этом включение в него новых участников в пределах оптимального размера не ущемляет интересов старых сотрудников. Именно в организации подобного типа наиболее гармонично сочетаются интересы каждого работника и всего коллектива. Не случайно маслодельная кооперация вышла за пределы Западной Сибири и стала быстро распространяться по всей стране.

Трудовые артели, которые представляют собой более простой тип предприятия по сравнению с кооперативами. Если взять, например, производственный кооператив, то в нем кооперация распространяется не только на сферу производства, но и на сферу закупки средств производства и продажу изготовленного продукта. Что касается трудовых артелей, то в них кооперация распространяется почти исключительно на сферу производительного труда и только в очень незначительной части захватывает область закупки средств производства. Что же касается области сбыта, то здесь имеет место реализация не собственного продукта труда, а непосредственно самого труда в виде трудовой услуги.

Трудовая артель работает на конкретного заказчика и поэтому коммерческий аспект деятельности здесь

сведен до минимума. А ведь наиболее слабой стороной производственных кооперативов является именно коммерческая сторона их деятельности, которая часто нейтрализует позитивный эффект совместного труда производительных артелей. Поэтому трудовые артели с самого начала оказывались более жизнеспособными организациями по сравнению с производственными кооперативами. Эта экономическая форма обладает особой мобильностью, гибкостью, способностью быстро пространственного перемещения. В рамках этих предприятий может постоянно меняться количественный и качественный состав коллектива. Трудовые артели основывают свою деятельность как на долговременных, так и на кратковременных работах.

Например, в дореволюционной России ядро плотничьих артелей составляли обычно 4—5 человек. Но в отдельных случаях, в артели при больших объемах работ, количество артельщиков могло возрасти и до ста человек. Трудовые артели получили большое развитие прежде всего в строительстве (артели плотников, каменщиков, землекопов). Интереснейшим (и до сих пор малоизученным) явлением были российские артели в железнодорожном строительстве. Деятельность этих артелей, помноженная на выверенный инженерный расчет, явилась основой быстрых темпов железнодорожного строительства в дореволюционные годы. Проведение каналов и шоссейных дорог, заготовка и сплав леса, добыча многих полезных ископаемых в существенной мере строились на артельном труде.

В царской России не велось точного учета членов таких артелей (как нет такого учета и сейчас). По некоторым оценкам, в начале века в трудовых артелях были ежегодно заняты сотни тысяч работников. Справедливости ради следует отметить, что трудовые артели не были только чисто российским явлением. Они распространялись и в других странах, особенно в Италии. Однако именно в царской России они получили наиболее широкое распространение и имели глубокие исторические корни. Подобные «артели возводили храмы еще в Древней Руси; артели каменщиков возводили прекрасные каменные здания в Петербурге, Москве, Киеве, Риге и других городах в XIX в. Артельный труд восходит к глубоким национальным общинным традициям совместного труда. И в современных условиях эта малая форма организации предприятия может быть широко использована.

Что касается использования малых форм в период нэпа, то его опыт, несмотря на краткий период развития, также заслуживает внимания. Сама жизнь, потребности хозяйственного развития заставляют обратиться к опыту нэпа, когда развитие малых хозяйственных единиц, находящихся в различных формах

собственности, давало большой социально-экономический эффект. Конечно, и речи быть не может о простом механическом переносе этого опыта на почву современности. Можно заимствовать лишь некоторые хозяйственные формы, условия для существования которых сохранились.

Одним из самых острых вопросов хозяйственного строительства была проблема использования кооперации. Потребительская кооперация в старой России занимала важное место в розничной торговле и заготовках многих видов сельхозпродукции. Разнообразные по уровню обобществления кооперативы быстро развивались в аграрном секторе экономики. Крупный теоретик и практик организации кооперации А.В.Чаянов в 1925 г. писал: «Теперь, по размаху своей работы, русская кооперация первая в мире. Десятки тысяч кооперативов выросли во всех уголках Советского Союза, объединили в себе миллионы членов крестьян, рабочих и горожан; многие сотни союзов связали кооперативы в одно целое и придали ему исключительную мощь» [14, с. 75].

По мысли П.А. Кропоткина, М.И. Туган-Барановского, А.В. Чаянова и других крупных экономистов, построение социалистической экономики в качестве одного из путей было бы возможно на пути кооперации «снизу». Создание крупных хозяйственных единиц было бы возможно на основе обобществления некоторых хозяйственных функций, которые мелкие заведения передавали бы крупным государственным (или кооперативным) предприятиям-интеграторам. При этом экономическое развитие в некоторых сферах народного, хозяйства с самого начала могло быть основано на оптимальном сочетании мелких, средних и крупных предприятий. Весьма интересны оценки возможностей и перспектив развития кооперации в условиях социализма, которые давали крупные русские экономисты.

А.В. Чаянов, например, видел в кооперации превосходный хозяйственный аппарат, в рамках которого каждый член артели мог бы проявить инициативу и предприимчивость на местном уровне: «Кооперация, управляемая в самых мельчайших своих органах выборными лицами трудящихся, под ежедневным неусыпным контролем избравших их членов кооператива, не связанная административными распоряжениями центра, гибкая в хозяйственной работе, допускающая наиболее быстрое и свободное проявление выгодной местной инициативы, является наилучшим аппаратом там, где имеется организованная местная самодетельность, где в каждом отдельном случае надо гибко приспосабливаться к местным условиям и учитывать мельчайшие особенности каждого местечка и каждого месяца работы» [14, с. 12].

Некоторые экономисты считали кооперацию даже главной основой создания социалистической экономики, видя в ней альтернативу того пути хозяйственного строительства, которую предлагали коммунисты. Например, М.И. Туган-Барановский видел в кооперации более высокий тип социально-экономической организации по сравнению с капитализмом и с «государственным социализмом». Он считал, что «...кооперация представляет собой более высокий социальный тип, чем коллективизм, ибо коллективизм является организацией, основанной на принудительной власти большинства над меньшинством, между тем как кооперация является типом вполне свободного хозяйственного и общественного союза» [13, с. 448]. Он считал, что государственные социалистические предприятия будут страдать от недостатка стимулов к более высокой производительности, поскольку ориентируются на средний уровень предприимчивости, изобретательности и т. п., скованы шаблоном и бюрократизмом. Из этого положения может вывести трудовая кооперация, которая даст выход свободным творческим силам общества. Одной из таких форм кооперации, по мнению М. И. Туган-Барановского, могло бы стать нечто вроде арендного подряда. При этом группа рабочих берет на свой страх и риск определенный комплекс средств производства, принадлежащих государству. Государство обеспечивает свои интересы через возлагаемые на образующийся трудовой кооператив обязательства поставлять в его пользу необходимое количество продуктов. Но рабочая группа может произвести большее количество продуктов или продуктов лучшего рода, чем те, которые производились раньше при помощи данных средств. Избыточное количество продуктов, как и выгода улучшения их качества, достается самому кооперативу. Таким образом, члены кооператива получают мотив развивать более чем среднюю энергию труда, более чем среднюю предприимчивость, изобретательность и пр. В результате в трудовые кооперативы будут объединяться люди выше среднего уровня, в то время как для рядовых рабочих будут открыты государственные и муниципальные предприятия [13, с. 444]. В таких условиях динамичные кооперативные предприятия могли бы быть во главе научно-технического прогресса.

М.И. Туган-Барановский, А.В. Чайанов и другие ученые видели в кооперативах такую форму организации производства, которая соединяет в себе преимущества и возможности индивидуального и коллективного труда. Причем наиболее благоприятные возможности такого соединения дают именно простые формы кооперации, где граница между индивидуальным и общественным производством еще не стирается

совершенно, как, например, в маслодельных артелях Западной Сибири. В кооперативе формируется новый тип индивидуального труда, управляемого коллективом. Развитие кооперации могло бы в будущем социалистическом обществе примирить два противоположных начала — свободу личности и господство общности, считали теоретики кооперации.

Однако в конце периода нэпа государство ликвидировало независимую кооперацию. Произошло полное огосударствление всех оставшихся (потребительская и ремесленная кооперация) и новых (колхозы) ее форм и структур. Тем самым большие потенциальные возможности были заморожены. Задачей настоящего времени является возрождение этого потенциала.

Кризис угольной промышленности в Украине, прежде всего, следует классифицировать, как инвестиционный. Об этом можно судить хотя бы по тому, что порядка 10% государственных шахт превратились, потеряв все очистные забои, в погреба (по образному выражению Министра угольной промышленности СБ. Тулуба), формально оставаясь действующими производственными единицами [1]. Предоставляемых бюджетных субсидий не хватает даже на полное покрытие убытков от угледобычи, не говоря уже о техническом перевооружении предприятий. Поэтому актуальной задачей развития угледобычи в стране является привлечение негосударственных капиталов, что зафиксировано в программных документах [2, раздел III, пункт 44].

В результате выполненных в ИЭП НАН Украины исследований, установлено, что перспективным является прямое участие малых предпринимательских структур в добыче угля на государственных шахтах, например, по договорам подряда или путем разработки собственного отвода в границах шахтного поля [3,4]. В первом случае частный угледобытчик (артель, кооператив), пользуясь собственными средствами механизации, оказывает шахте услуги по добыче угля. Добытое ископаемое принадлежит шахте, а подрядчик получает оплату за выполненный объем работ. Во втором варианте, наоборот, шахта оказывает предпринимателю (артели, кооперативу) платные услуги — подъем и транспортирование угля, породы, материалов, оборудования и персонала, проветривание, водоотлив, энергоснабжение и пр. Произведенная угольная продукция является собственностью негосударственной структуры. Такая форма под названием «кооперативная разработка шахтного поля» получила апробацию на шахте «Красноармейская-Западная» № 1 [5]. В девяностых годах прошлого века СП «Сабі» (дочернее предприятие концерна «Энерго»), вооруженное механизированным комплексом с крепями Гли-

ник» польского производства, на основании правительственной лицензии вело разработку горного отвода. Указанный инвестиционный подход доказал свою результативность и имел резонанс в научной литературе [6,7,8]. В настоящее время количество прецедентов совместной деятельности государственных шахт и частных фирм в сфере угледобычи, пусть не интенсивно, но увеличивается. Нам представляется, что экспансия предпринимательства была бы более активной, например, благодаря вовлечению в эти процессы кооперативов угольщиков.

При взаимодействии с лизинговыми компаниями и поддержке различного рода кредитных союзов кооперативы в угольной промышленности способны стать силой, способной преодолеть кризисную ситуацию. Сотрудничество, например, кооперативов, занятых добычей угля, с углеобогащательными кооперативами, кооперативами перевозчиков угля автотранспортом, сбытовыми кооперативами и др. способно превратить украинскую угледобычу в рентабельный бизнес. Предпринимательская гибкость и личная заинтересованность всех членов кооператива в конечном результате производства может привести к альтернативным формам хозяйствования. Достаточно вспомнить исторически оправдавшие себя схемы, такие, как повезли угольную продукцию в село, обменяли на производственные товары, привезли в город и реализовали через свои торговые точки.

Однако, при всех преимуществах малых форм организации труда, развитие кооперативного движения (не только в угольной промышленности, но и в целом) требует создания определенной культуры организации. В частности, как упоминалось выше, необходимо преодолеть склонность успешных кооперативов превращаться в квазикапиталистические фирмы с широким применением наемного труда, т.е. в предприятия, основанные на эксплуатации человека человеком. Возращению дерева действительно «народного капитализма», как и в живой природе, были бы полезны своеобразные «садовые школки». На современном этапе такую роль могли бы взять на себя шахты с красноречивыми названиями «Свято-Серафимовская», «Преподобного Сергея Радонежского» и др [15].

В 90-х годах прошлого столетия, следуя программе реструктуризации угольной промышленности, в Украине было закрыто большое количество шахт. В настоящее время некоторые из этих объектов восстанавливаются и вводятся в эксплуатацию. Примером может служить история шахты «Свято-Серафимовской» (бывшей «Красногвардейской» в Красногвардейском районе г. Макеевки). Предприятие было закрыто в 1997 г., как глубокоубыточное, однако после перехода в частную собственность и выполнения комплекса работ

по восстановлению и модернизации стало рентабельным и обеспечивает трудящихся рабочими местами.

Кроме «Свято-Серафимовской» ассоциация угледобывающих предприятий «Недра Донбасса» осуществляет восстановление еще двух подобных шахт: имени Святителя Василия Великого (в свое время «Горняк» в одноименном поселке), и «Свято-Покровскую» (бывшую «Красноармейскую» в Александровском районе Донецкой области). До этого были введены в эксплуатацию три ранее закрытые шахты: «Преподобного Сергея Радонежского» и «Свято-Николаевская» в г. Кировское, а также «Свято-Андреевская» в г. Ждановка Донецкой области.

Не отказываясь от экономических целей, ассоциация «Недра Донбасса» руководствуется в своей деятельности православными ценностями, что объясняет новые названия возрожденных шахт. Создание большого количества (тысячи) рабочих мест для горняков содействует сохранению шахтерских городов и поселков, которые были обречены на запустение.

Ограниченность идеи использования производственных артелей и кооперативов делу возрождения шахт, возвращения к нормальной жизни шахтерских городов и поселков, повышению благосостояния людей, их духовному возрождению несомненна. Но и предоставление простым людям возможности ощутить чувство хозяина, как это задумывал М.И. Туган-Барановский, воспитание честного отношения к труду, товарищам и государству является служением не менее благородным, чем строительство храмов и часовен в горняцких поселках.

Активизация и поощрение мелких производителей способно стать мощным фактором развития социальной инфраструктуры рынка и экономики «снизу». Поэтому отечественной экономике необходимы трудовые артели (ТА), осуществляющие коллективную деятельность на правах частных лиц. В рамках этих объединений на государственных и кооперативных предприятиях можно создавать постоянные и временные автономные бригады.

Подобные бригады существовали и в советские времена на принципах оплаты исключительно по конечным результатам работы. Обращение к практике привлечения таких полузаконных бригад зачастую позволяло руководителям предприятий эффективно решать многие проблемы. Бригады «шабашей» были, как правило, комплексными, их члены владели несколькими специальностями и выполняли работу на высоком уровне. По данным ВНИИ Прокуратуры СССР, в середине 70-х годов число шабашников составляло около 6 млн. чел. Речь, как очевидно, шла о весьма большой категории трудящихся. Принятое в свое время Постановление Совета Министров СССР

«Об упорядочении организации и оплаты труда временных строительных бригад» содействовало легализации данного явления, но не его распространению [12, с. 161].

В современных условиях так и не появились нормы, регулирующие деятельность таких бригад, чем продлевается их полуполюгальное существование, что служит главной причиной злоупотреблений и правонарушений в этой сфере. Практика подсказывает необходимость определения объективной основы их существования в аспекте сфер деятельности и правовые нормы регулирования. Наряду с угольной промышленностью такие коллективы могут быть широко востребованы в строительстве, сельском хозяйстве, монтаже и наладке оборудования, ремонте зданий и техники, аренде в торговле и общественном питании, сфере социокультбыта.

Как видно из представленного исторического опыта трудовых артелей и кооперативов, они могут быть перспективны для организации труда и ведения бизнеса в угольной и других отраслях промышленности. Особая гибкость формы трудовых артелей может способствовать преодолению барьеров между государственным сектором и малыми формами хозяйствования, между предприятиями разных типов малых форм; сделать хозяйственный организм эластичным, способным формировать самые разные экономические комбинации в зависимости от обстановки. В то же время успешное функционирование ТА и кооперативов нуждается в развитии правовой основы их деятельности.

Литература

1. **Галузь** треба рішуче підіймати. З доповіді Міністра вугільної промисловості С.Б. Тулуба // Сбойка. — 2006. — № 8. — С. 18—19. 2. **Програма** «Українське вугілля»: Затверджено постановою Кабінету міністрів від 19 вересня 2001 р. №1205. — Київ, 2001. — 66 с. 3. **Кабанов А.І., Стариченко Л.Л., Цикарева В.В.** Обґрунтування фінансово-економічних взаємовідносин вуглевидобувного підприємства та

інвестора-розробника частини гірничого відводу // Уголь України. — 2004. — №2. — С. 5—10. 4. **Стариченко Л.Л., Цикарева В.В.** Методичні підходи до визначення вартості робіт, що виконує шахта при спільній діяльності з недержавним інвестором // Проблеми підвищення ефективності функціонування підприємств різних форм власності. — Донецьк : ГОП НАН України, 2005. — С. 172—183. 5. **Филатов Ю.В., Наумов Ю.В., Лещинский А.А., Череватский Д.Ю.** Опыт корпоративной разработки шахтного поля // Уголь Украины. — 2000. — №11. — С. 25—28. 6. **Амоша А.И., Мамутов В.К.** Опыт привлечения и использование инвестиций для развития шахты // Уголь Украины. — 2000. — № 11. — С. 14—19. 7. **Амоша А.И., Ильяшов М.А., Байсаров Л.Ю.** Реализация концептуальных положений доктрины инвестирования предприятий угольной промышленности // Уголь Украины. — 2001. — № 8. — С. 9—13. 8. **Привлечение инвестиций в угольную промышленность Украины: состояние, проблемы и пути решения** / Л.В. Байсаров, М.А. Ильяшов, А.В. Корзун, В.И. Логвиненко, С.В. Янко. — Київ: Основа, 2002. — 288 с. 9. **Платонов О.** Русская экономика без глобализации. — М.: Алгоритм, 2006. — 800 с. 10. **Калачов Н.В.** Артели в древней и нынешней России // Русская экономика без глобализации. — М.: Алгоритм, 2006. — С. 272 — 324. 11. **Менделеев Д.И.** Промышленность: богатство и капитал, община и артшь // Русская экономика без глобализации. — М.: Алгоритм, 2006. — С. 430 — 443. 12. **Ичитовкин Б.Н.** Малые формы хозяйствования. — М.: Экономика, 1991. — 204 с. 13. **Туган-Барановский М. И.** Социальные основы кооперации. М: Экономика, 1989. — 452 с. 14. **Чаянов А. В.** Краткий курс кооперации. — М.: Кооперативное изд-во, 1925. — 256 с. 15. **Артеменко А.** Свято место пусто не бывает. Ассоциация угледобывающих предприятий «Недра Донбасса» берет в разработку заброшенные шахты // Зеркало недели. — 2008. — № 29. — С. 8. 16. **Шпаченко М.** Полтавец спасает шахты // Экон. известия. — 2008. — 27 авг. — С. 2.